

КРАСАВИЦА

АНАСТАСИЯ АСТАФЬЕВА
Родилась в 1975 году в Вологде. Автор книг «Сети Арахны» (1998), «Июньский снег» (2000), «Двойная экспозиция» (2015), «Для особого случая» (2020), «Столетник с медом» (2021).

Член Союза российских писателей. Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения (специальность «киноведение»).

Ранним утром, в глухой декабрьской темноте, Евдокия медленно шла с Петроградки в сторону Смольного. Вьюжило. Изуродованный, голодный, чутко спящий город вставал из мрака ей навстречу. Она давно не ходила по его улицам, а потому не видела, как Ленинград из города дворцов, парков и проспектов превращался в безжизненные руины...

Из тьмы и жалящего роя снежинок навстречу Евдокии иногда выходили человеческие тени, порой столь внезапно, что она вздрагивала от испуга. Узкая тропинка, протоптанная среди сугробов, не всегда позволяла разойтись двоим, а оступившись, упав, каждый рисковал больше не подняться. Но как-то расходились, протискиваясь, держась друг за друга, не давая упасть. Прохожие растворялись в темноте и метели, и Евдокия брела дальше и думала, что каждый из этих людей идет куда-то с конкретной целью, например, на завод или пораньше занять очередь за хлебом. И многие, узнав, куда и почему направляется она, волоча за собой пустые саночки, очень удивились бы...

У Смольного, до которого Евдокия добралась нескоро, тархтели моторами два грузовика. В их кузова забирались женщины. Затаскивали с собой санки и коляски, увязанные в рулоны мешки. Однорукий мужичок в шинели суетно бегал вокруг

и громко, с матерком, распоряжался. Евдокия подошла к нему.

— А! — сказал он и циркнул слюной меж зубов. —

Опаздываете, товарищ Дашина. Быстро в кузов!

Евдокия спросила про пропуск, но инвалид только махнул оставшейся левой рукой. А подсаживая, даже умудрился этой же рукой огладить ее по заду.

«Экий живчик...» — смутилась она и встала вместе с другими женщинами к переднему борту, вцепилась в него пальцами.

Машина тронулась, выехала с площади и затряслась по рытвинам и обломкам кирпича. За ней следом поехала вторая. Устоять в кузове было трудно, пальцы скоро заледенели, встречный ветер и снег больно били в лицо. Евдокия бросила на дно мешки, села на них, все так же держась за борт. Другие женщины, глядя на нее, сделали то же самое.

По городу ехали медленно, то и дело дорогу преграждали руины, завалы снега, иногда глубокие воронки от взрывов или замершие на рельсах обесточенные трамваи. Длинные, мрачные, они невольно напоминали Евдокии огромных уснувших бегемотов. Их металлические туши были занесены снегом, и думалось, что трамваи замерли навсегда. В этой тьме, в воющей стуже, в мертвенной усталости блокадного Ленинграда казалось

невозможным вновь услышать когда-нибудь веселый трамвайный звонок.

Евдокия видела, как над высоким бортом грузовика проплывают здания, в окнах которых не было и отблеска света. Она смотрела на опрокинутые их стены, на развороченные внутренности... На какой-то из улиц дом горел. Видимо, его еще не потушили после ночного налета. И в отсвете пламени можно было рассмотреть в разоренной квартире на высоте пятого этажа покореженную металлическую кровать, нависшую ножками над пропастью разверстого пола, а над ней, на стене, – картину.

Грузовик остановился. Евдокия вытянула шею, выглянула из-за борта. Из кабины, хлопнув дверцей, выпрыгнул одорукий и заговорил с военным патрулем, снова щедро снабжая свою речь матерком. Солдаты рассматривали бумаги, которые он им подал. Потом один из них подошел к грузовику, встал на колесо и заглянул в кузов сначала той машины, где ехала Евдокия, а потом другой. Через минуту грузовики тронулись с места.

Время, по ощущениям, уже приближалось к девяти утра, но декабрьская ночь очень неохотно уступала место серому дню. Людей на улицах прибавилось. Кто-то с бидончиком в руке медленно, сберегая силы, шел за водой к невской польне, кто-то брел среди сугробов и тащил за собой саночки. На них могли лежать обломки досок или мебели – блокадные дрова, мог ехать истощенный, больше похожий на подростка, взрослый человек, редко – ребенок, укутанный по самые глаза в шерстяные платки. Но обычно на таких саночках везли в никуда что-то длинное, тонкое, увязанное, как мумия, в простыню... Вот Евдокия увидела, как высокий, одетый в черное пальто старик, что, едва переставляя ноги, продвигался по улице, вдруг остановился, покачнулся и осел в снег. Грузовик ехал дальше, но она даже привстала, чтобы проследить, как к упавшему подошли люди, склонились над ним, а потом все разом побрели дальше.

Змеиными хвостами струились очереди у хлебных лавок. Тоскливо, словно волчица, завывала вьюга. Глухо, по-тигриному, рычали моторы грузовиков.

Евдокия не всегда узнавала городской район, по которому они ехали. А уж пригород, где машины остановились, был и вовсе ей незнаком. Женщины, помогая друг другу спуститься, принялись выбираться из кузова. Одорукий и тут командовал, суетился и уже начинал раздражать своей какой-то подозрительно сытой активностью,

особенно выделяющейся на фоне медленной тишины выстроившихся в вереницу женщин, одетых в изношенные пальто и фуфайки. Евдокия обратила внимание на одну из них: в приталенном плюшевом жакетике, в коротких ботиках, из которых торчали высокие шерстяные носки. Из-под толстого клетчатого платка, повязанного на голову, выглядывал край пожелтевшей кружевной косынки, на руках – в контраст всему этому неуместному изяществу – толстые, самошитые рукавицы. А еще при ней была низенькая детская коляска, поставленная на полозья. Женщина почувствовала взгляд Евдокии, подняла на нее провалившиеся слезящиеся глаза.

– Вы в первый раз? – спросила она севшим голосом. – Я вас раньше не видела.
– Да, первый... – согласилась Евдокия и снова посмотрела на ботинки женщины. – Замерзнут ноги-то...
– Они уже давно ничего не чувствуют, – равнодушно ответила та. – Я вся как сосулька. Наверное, никогда не растаю, даже весной... если мы доживем до весны...

Инвалид махнул рукой, и вереница женщин с санками, колясками, волокушами, как стадо отошавших коровушек, послушно побрела за ним по широкой наезженной тропинке.

Ближний лес был уже весь вытоптан и гол. Прямые еловые стволы тянулись в небо, и только на их верхушках еще оставались ветки с иглами. Как эти обессиленные, оголодавшие женщины умудрялись доставать лапник с высоты, превышающей их рост в два раза, Евдокия не понимала. Своим видом ели теперь больше походили на корабельные сосны. Мелкий подлесок был уничтожен подчистую. Оголенные тощие елочки-подростки, казалось, стыдливо толпились и прятали одна за другой свою трагическую наготу.

С каждым днем команды заготовителей уходили глубже и глубже в лес. И с каждым днем выбираться из него обратно, да еще с нагруженными санками и колясками, становилось все труднее. Случалось, из чащи выходили не все... Чем дальше продвигались люди, тем слышнее становилась артиллерийская канонада. Немецкие орудия стояли совсем близко, на противоположном обрывистом берегу реки, в которую упирался еловый лес. Точка для обстрела города была выбрана идеально, немцы не видели смысла в том, чтобы переходить реку и менять диспозицию. И, как ни странно, получалось, что вот тут, прямо под носом у врага, было одно из самых безопасных мест.

Дойдя до нетронутого леса, команда заготовителей остановилась. Только тут, уже при свете тусклого дня, Евдокия разглядела среди женщин трех подростков. Она даже не сразу поняла, что это две девочки и парень. Все они были одинаково одеты в подпоясанные фуфайки, укутаны в шали, платки, на ногах – валенки не по размеру. И у всех троих огромные глаза, обведенные, словно нарочно, словно у актеров немого кино, темно-коричневыми тенями. Парень кусал обветренные губы, объедая с них клочки сухой огрубевшей кожи. Одна из девочек вороватым движением закинула в рот крохотный кусочек хлеба, согретый в варежке, и, прикрыв подрагивающие веки, медленно сосала его.

Однорукий повторно пересчитал людей, объявил сбор по свистку на этой же поляне через час, и заготовители рассеялись по ельнику.

Работали молча, сосредоточенно, берегли силы, но и старались не отставать от напарниц. Кто-то в одиночку резал лапник с молодых елочек, обдирая подрост, кто-то артельно добывал ветви с высоких деревьев. Евдокия увидела, как женщинам удается достать выше собственного роста: они выламывали тонкий длинный ствол молодой елочки, привязывали к нему ножовку и, задыхаясь от слабости, с перерывами, сменяя друг друга, пилили промерзшие до сухого звона длинные ветки. Те тяжело падали на землю, обдавая тружениц снежной пылью. Их подбирали, острым топориком или ножом срезали с сучьев зеленые лапки и плотно утрамбовывали в мешки либо крепко увязывали и укладывали на санки. Среди таких, подбирающих, оказалась и женщина в плюшевом жакете. Она стояла по колени в снегу, так, что ботинок было не видно, платок на ее голове сбился, съехал к затылку, и Евдокия увидела коротко стриженные темные волосы. Толстые рукавицы мешали этой женщине хорошенько связывать лапник в колючие снопики, и она, стянув их зубами и бросив, продолжала работать голыми руками. Пальцы ее алели от мороза, а веревка, впившись, оставляла на них долго белеющие полосы...

Евдокию что-то словно манило вглубь, уводило от людей, и она, повинувшись этому необъяснимому зову, пробиралась сквозь глубокий снег, волочила за собой санки. Болотистый ельник был жидок, иглы на ветвях мелки и редки. Ей казалось, что она найдет деревья с более завидным лапником, а потому не обратила внимания даже на оклик инвалида, который просил не отрывать от людей, не уходить далеко в одиночку. Вскоре Евдо-

кия поняла, что выгоднее всего собирать мелкий подрост – трех-четырёхлетние елочки. Они топорщили из снега свои пушистые макушечки, а чаще были завалены вообще с головой, но росли кучно, иголки на их веточках были мягче, сами веточки – гибче. Евдокия раскапывала руками снег и дергала, ломала елочки, досадуя, что не догадалась прихватить с собой нож. Смолистые стволы закидывать в мешок не имело смысла, они только занимали лишнее место, а гибкие веточки отламывались плохо. Но все равно Евдокия с упорством, даже с каким-то азартом драгла подлесок. Стволы можно увязать отдельно и тащить на спине. Потом она их перепилит на мелкие части, размозжит топором, запарит кипятком, тогда получится вполне съедобная еловая каша...

Евдокия поняла вдруг, что в лесу удивительно тихо. Она уже не слышала ни разговоров женщин, ни треска ломаемых ветвей, ни крикливых, бестолковых команд однорукого.

Распрямилась, огляделась, прислушалась. Бояться было нечего – обратный путь легко найдется по ее же следам, по проложенной в глубоком снегу колее. Но откуда эта тревога, вдруг сдавившая сердце? Разрывая снег, Евдокия двинулась дальше, и в этот миг над лесом оглушительно захлопали артиллерийские залпы. Она ничего не знала о расположившейся на противоположном берегу реки немецкой батарее, да и о том, что рядом река, тоже не догадывалась. Она упала в снег, инстинктивно обняв мешок с лапником, а потом оглушенно поползла куда-то, волоча за собой и его, и санки... Сквозь грохот орудий она расслышала надрывные свистки однорукого, объявляющие общий сбор, но ползла отчего-то в противоположную сторону, уже запутываясь в собственных следах, теряя обратный путь...

Все стихло так же внезапно, как и началось. Евдокия лежала на спине в глубоком снегу, взгляд ее остановился на еловых макушках, конусообразно сбегаящих в одну точку в высоком сером небе. Она с трудом перевернулась, поднялась сначала на колени, потом во весь рост. Голова кружилась, пришлось постоять какое-то время с зажмуренными глазами, держась за елку, ожидая, пока пройдет слабость. А когда Евдокия разомкнула веки, она настолько не поверила в увиденное, что зажмурилась вновь.

На открывшейся среди леса полянке стояла яблонька. Проросшая из семечка, занесенного откуда-то пичужкой, она ухватилась корнями за эту

скудную землю, пила из нее соки, росла, распрямлялась, невестилась веснами, давала поначалу одно-два яблочка, потом с десяток. И вот этой военной осенью она впервые родила полноценный урожай. Ветви ее гнулись под тяжестью некрупных алых яблок. Плоды отчего-то не осыпались вовремя наземь, не объели их лоси, не расклевали птицы. Замерзшие яблоки почти не утратили своего цвета, и, казалось, яблоня не понимала, отчего никто до сих пор не пришел и не принял ее щедрого дара.

Зато понимала Евдокия, для кого и почему сохранились эти плоды нетронутыми. Не сдерживая нахлынувших слез, она пробралась к дереву, ходила вокруг, нежно и благодарно оглаживая его ветви, стряхивая снег, нашептывая яблоньке какие-то особые, утешительные, всепонимающие слова, которые способна, наверное, лишь мать сказать только что разродившейся первенцем дочери.

Евдокия бережно снимала замерзшие красные яблоки, складывала их, как драгоценные рубины, в мешок. Она не смела даже подумать о том, чтобы надкусить одно из них, утолить сосущий голод. Такое волшебство опустилось на эту лесную поляну, что она на мгновение позабыла и о морозе, и об усталости, и о войне, и о блокаде, и о смерти. Она припомнила детство, дедушкин сад, в котором росла яблонька с такими же алыми плодами. И словно тоненькая живительная ниточка протянулась из прошлого в будущее, и Евдокия вдруг отчетливо поняла, что перенесет все лишения, сделает все для того, чтобы выжить самой и не дать умереть тем, кто от нее зависит...

Долгожданно освободившись от груза, яблонька так и не смогла распрямить ветви – они, замерзшие, по-прежнему гнулись до земли. Но при первой же стойкой весенней оттепели она непременно оживет, разогнется и станет тянуть из почвы плодородную влагу, чтобы в мае вновь расцвести.

– Ах ты ж, мать-перемать! – заорал над самым ухом Евдокии мужичок. – Я тебе что сказал?! Не уходить далеко! Разъедрит твою в коромысло!

Он ухватил завязанный мешок, попытался вскинуть его одной рукой на спину, но не смог.

– Чего тут у тебя? А? Дров, что ли, нарубила? – циркнул он слюной меж зубов.

– Не твоего ума дело, – отрезала Евдокия, поспешно отбирая мешок.

Она водрузила его на санки, а однорукому сунула второй, с лапником. Лишь бы не лез, не заглядывал.

Вернувшись из сказки в реальность, Евдокия осознала, что теперь нужно как-то сохранить, довести до города драгоценный груз. Потому что могут отобрать, растащить по штучке, потому что не понимают, насколько ей нужны эти яблоки. Она накрыла мешок с плодами лапником, все крепко перевязала и пошла за бойким одноруким командиром.

Заготовители выходили из леса все той же вереницей. Дольше, медленнее, чем туда. Сказывались и усталость, и груз, отягощавший их спины, санки, коляски, волокуши. Иногда, оступившись в глубоком снегу, кто-то из женщин падал. Ее поднимали, не отряхивая, ставили на тропу и двигались дальше.

Прошли уже больше половины обратного пути, когда одна из девочек-подростков, что брела впереди Евдокии, вдруг одновременно завалилась набок, будто бы ее перевесила связка веток, которую она несла за спиной, и осталась лежать без движения. Евдокия и еще несколько женщин окружили упавшую, пытаясь привести в чувство. Подошедший однорукий растолкал их, взял девочку за руку, поискал пульс, но, не найдя, стал нащупывать на ее тоненькой оголившейся шее бие-ние сонной артерии.

– Все. Готова, – коротко бросил он и привычно циркнул слюной. – Не останавливаемся! Двигаемся дальше!

– Как же так? – возмутилась Евдокия. – А если она все-таки жива? Вы же не врач, откуда знаете?

– Да оттуда! – рявкнул на нее инвалид, а она разглядела вдруг его неопрятную небритость и затянутый бельмом глаз. – Хочешь – скидай свой мешок и вези ее! Мне живые дороже!

Он в злобе сделал несколько широких шагов вперед, потом остановился и добавил уже тише:

– А девка отмучилась, и слава богу...

Вереница смиренно двинулась дальше, и Евдокии все казалось, что она спиной чувствует остановившийся взгляд девчонки, который зовет вернуться, помочь, не оставлять ее здесь, в этом лесу. Даже мертвую – не оставлять!

Но женщины продолжали идти, и Евдокия шла вместе с ними...

К дороге, где они высадились из грузовиков, выбрали часа через полтора. Сделали привал. Расселись на мешках, каждый достал, что у него было: квадратик хлеба, жменьку сваренной крупки, котлетку, слепленную из чего-то неведомого и не совсем съедобного.

Евдокия устроилась чуть в стороне от всех и грызла заледенелую плитку жмыха. То и дело она невольно наткнулась взглядом на подростков. Обоих колотила заметная дрожь, может быть, от страха и беды, а может, от холода и усталости. Девочка не ела, прижималась к мальчику и что-то говорила ему тихо и отрывисто. Он почти не слушал ее, методично брал из ладони крошки хлеба, складывал их в обветренный рот.

Из-за реки снова заухало.

– Опять взялись, едрит твою... – проворчал однорукий. – Барышни, кончай перекур! Сдаем лапник, греемся – и на второй заход. Пока не стемнело.

Женщины дружно собрались и уверенно двинулись за дорогу, к длинному ангару, над которым струились дымки.

Только Евдокия растерянно остановилась посреди пути. Сюда привезли, а обратно? До Ленинграда километров семь, и там еще топтать и топтать от окраины.

– Что вы? Идемте, – позвала ее женщина в жакете. – Сдадите лапник – вечером получите суп.
– Я не себе... – глухо отозвалась Евдокия. – У меня там... Красавица...
– Что? – не поняла та. – Кто красавица?
– Мне в зоопарк нужно...

Женщина в жакетке посмотрела на Евдокию как на сумасшедшую, пожала плечами и двинулась следом за всеми.

– Ах, ты же у меня от Николай Леонидыча, – спохватился инвалид и почесал голову под шапкой. – Постой тут. Шас, я этих отправлю, прослежу и посажу тебя к кому-нибудь... Ну... или сам довезу.

При последних словах он хрипло хохотнул, приобнял ее за спину, снова с намеком скользнув рукой ниже пояса.

«Вот ведь неугомонный, – проворчала внутренне Евдокия. – Нашел к кому клеиться. Окстись, милок! Мне уж пятый десяток...»

Все ушли. Евдокия в раздумье снова присела на мешок. Артобстрел не прекращался. С каждым очередным выстрелом все внутри у нее сжималось. Нет, она не за себя боялась. Там, в городе, в зоопарке, Евдокия это знала, отчаянно мечется, пытаясь укрыться от наступающего повсюду грохота взрывов, громадная бегемотиха по имени Красавица. Одна. И некому ее защитить и успокоить...

Евдокия поднялась, стронула тяжелые санки с места и пошла по дороге в сторону Ленинграда.

Всякий раз, когда начинался обстрел, ее питомица по привычке стремилась к давно высохшему бассейну. Так срабатывал инстинкт самосохранения: водоем для бегемота самое безопасное место. Но воды, чтобы наполнить бассейн, давно не было.

Водопровод повредился еще в начале блокады, в сентябре, во время той страшной ночи, когда погибла слониха Бетти. При звуках сирены любимица ленинградских ребятишек всегда поспешно пряталась в свой домик. Но тогда ей не повезло: прямо около ее укрытия разорвалась фугасная бомба... Слониха, умирая, кричала под завалами. Но помочь ей было уже нельзя. Тогда же погибли медвежата с лисятами. Из разрушенного обезьянника разбежались макаки. Искали их потом, дрожащих от страха, по всему городу. Неповоротливый бизон провалился в воронку, вытаскать такого здоровяка не хватало сил. Тогда придумали соорудить настил и выманивали его клочками сена...

Как и многие сотрудники зоопарка, Евдокия в ту зиму жила в павильоне вместе со своей Красавицей. Так было сподручнее. Дома, в холодной темной квартире, ее никто не ждал, а здесь все-таки были люди, постоянно имелись дрова, кипяток. К тому же у Евдокии просто не оставалось сил на то, чтобы ежедневно ходить туда-обратно. Каждый день она в несколько приемов на саночках привозила с Невы по четыреста литров воды. Поэтому к вечеру просто не чувствовала ни ног, ни рук. Слабость от голода и изнурительной работы нарастала с каждым днем. Позавчера она даже упала, пролила пятиведерный бачок у самых ворот зоопарка. А вода жизненно была необходима Красавице! Ее толстенная, как доска, шкура требовала тщательного ухода. Евдокия ежедневно омывала ее теплой водой, смазывала камфорным маслом, иначе кожа трескалась, глубокие раны кровили, доставляя бедняжке мучения.

Евдокии иногда казалось, что они с бегемотихой составляют единое целое. Она понимала свою питомицу без слов, улавливала перемены настроения, ощущала ее боль и страх, как свои. Эта большая неповоротливая животина по-настоящему умела радоваться: своей хозяйке, вкусной пище, солнечным лучам, теплomu дождю. Она даже улыбаться умела!

Одиноко бредущая по зимней дороге Евдокия сама заулыбалась вдруг, вспоминая озорной взгляд Красавицы и ее огромный рот. Однажды, еще в мирное время, во время экскурсии бегемот-

Бегемотиха Красавица
и Евдокия Дашина.
Ленинградский зоопарк.
1945 год

тиха широко зевнула, и один мальчишка крикнул: «Смотрите! У нее рот, как чемодан!»

Зима в этом военном году наступила рано и оказалась на редкость морозной. Евдокия еще осенью сшила для своей подопечной огромный брезентовый «халат», накрывала ее одеялами. Постоянно топила в павильоне буржуйки, кипятила воду, согревала Красавицу добрыми словами и своей самоотверженной любовью. Когда сил ни на что не оставалось, ей помогали другие сотрудники зоопарка: возили воду с Невы, чистили павильон, рубили и таскали дрова. А когда сил не было у коллег, она заботилась об их животных. Все они сейчас выживали только взаимовыручкой.

Немецкая артиллерия заткнулась, и Евдокия услышала тарахтение мотора за спиной. Остановилась, оглянулась. По дороге к ней приближался грузовик. Она подняла руку, но машина с плотно заставленным ящиками кузовом даже не остановилась, проехала мимо. Евдокия закусил губы, с усилием потянула за веревку санок и, уже плохо понимая, кто она и где, не чувствуя от холода и усталости ни ног, ни рук, пошатываясь, упорно пошла вперед. На горизонте чернели тоненькой линией городские здания и дымы пожаров над ними...

Красавице в день требовалось около сорока килограммов еды. Евдокия запаривала крутым ки-

пятком в большом металлическом чане смерзшиеся опилки, если были овощи, строгала их в теплую деревянную кашу, добавляла сено, жмых. Но такая пища лишь набивала желудок животного, на время обманывая голод. А потому день ото дня Красавица слабела... Зная, что питомице необходимо двигаться, Евдокия обычно ставила лохань с едой в двух метрах от нее, чтобы бегемотиха прошла хотя бы пару шагов. Но вот вчера, когда она порубила и добавила в запарку последние три свёклы, отчего масса стала розовой, похожей на фруктовое мороженое, и закатила лохань в павильон, Красавица печально посмотрела на кормилицу и сдвинуться с места не смогла. От отчаяния и бессилия из глаз животного полились слезы. Евдокия не выдержала, тоже разревелась, сдалась и поставила лохань поближе. Красавица без аппетита жевала безвкусные свекольные опилки и плакала...

Директор зоопарка Николай Леонидович пообещал, что на следующей неделе привезут крахмал, отруби и картофельные очистки. Но нужно было как-то продержаться эти морозные темные дни. Поэтому сегодня утром Евдокия была командирована на заготовку лапника: хорошая витаминная добавка для животных. А ей так повезло! Целый мешок сказочного, прямо-таки новогоднего угощения! Единственное, чего по-детски боялась

